

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 4, Pp. 786–810, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

Колчан XVII – середины XVIII в. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

Леонид Александрович Бобров¹, Игорь Валерьевич Балюнов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: [spsml\[at\]mail.ru](mailto:spsml[at]mail.ru)

² Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (д. 1, стр. 4, Красная пл., 626152 Тобольск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, главный научный сотрудник

 0000-0002-7733-7504. E-mail: [balyunoff\[at\]mail.ru](mailto:balyunoff[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бобров Л. А., Балюнов И. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен богато оформленный колчан (инв. № ВО-73), хранящийся в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Ранее он не становился объектом научного исследования. *Цель* исследования — ввести в научный оборот информацию о колчане, уточнить его датировку и атрибуцию. *Результаты.* Установлено, что колчан поступил в собрание Тобольского губернского музея в 1890 – первой половине 1891 гг. Типологический анализ показал, что подобные колчаны входят в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличаются от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру). Все известные колчаны рассматриваемого образца происходят с территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета, которые входили в состав различных ойратских государственных образований. Это позволяет обозначить их как колчаны «ойратского типа». В Тибет колчаны могли попасть вместе с войсками Гуши-хана во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что данный тип колчанов сформировался в Тибете, а затем был распространен ойратами на другие территории. Особенностью колчана из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника являются крепежные пластины, которые были изготовлены (или украшены) мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. *Выводы.* Декоративное оформление колчана позволяет предположить,

что он был выполнен ойратским или тибетским мастером, а затем доработан мусульманским ювелиром. Не исключено, что колчан был целиком изготовлен среднеазиатским ремесленником в ойратском стиле. Наиболее вероятно, что заказчиком колчана являлся состоятельный воин из числа «чакарских» (западносибирских) калмыков или джунгар. Время изготовления колчана может быть отнесено к периоду существования государственных образований сибирских и центральноазиатских ойратов, т. е. XVII – середине XVIII вв. На территорию Западной Сибири колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея.

Ключевые слова: ойраты, хошуты, дербеты, джунгары, оружие ойратов, колчан, джунгарские колчаны, тибетские колчаны, колчаны ойратского типа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Балунов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 786–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture: Introducing a Seventeenth/Mid-Eighteenth-Century Quiver

Leonid A. Bobrov¹, Igor V. Balyunov²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsm1[at]mail.ru

² Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture (1/4, Krasnaya Ploshchad, 626152 Tobolsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0002-7733-7504. E-mail: balyunoff[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bobrov L. A., Balyunov I. V., 2023

Abstract. Introduction. The paper examines a richly decorated leather quiver (BO-73) housed at Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture. This quiver has never been subject to scholarly research. **Goals.** The study aims to introduce the artefact into scientific circulation, date it, and clarify its cultural attribution. **Results.** The article reveals the quiver arrived in Tobolsk Governorate Museum in 1890 to mid-1891. Typologically, such quivers cluster with a wide range of Central Asian quivers dating to the mid-16th through mid-19th centuries CE, but differ from other Mongolian and South Siberian quivers on a number of construction and ornamental details, such as a high pointed back, massive upper ‘eye’ extended far forward, and absence of decorative metal plates on the outer side of the quiver (except for belt buckles and rivets on the edges). All quivers of this type known to date come from Southern Siberia, Southeast Kazakhstan, and Tibet, i.e. the regions invaded by Western Mongols — Oirats (Dzungars, Khoshuts, Dorbets, etc.) — in the 17th to mid-18th centuries. And the period when quivers of this type were used coincides with that of the Oirat domination across the aforementioned territories, which makes it possible to view such quivers as Oirat-type ones. Quivers produced by Tibetan craftsmen could be distinguished within this type due to Tibetan ornamental patterns, the latter quivers be referred to as Oirat-Tibetan ones. Oirat-type quivers may have emerged in the mid-16th to early 17th centuries across Western Mongolia, Southern Siberia, Southeast and East Kazakhstan. Quivers of this type could have arrived in Tibet with troops of Gūshi Khan and his allies in the late 1630s, and are far less likely to have emerged in Tibet to be further disseminated by Oirats towards Southern Siberia and Southeast Kazakhstan. The quiver from Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture is distinguished by mounting plates made (or ornamented) by a craftsman that tended to follow the Moslem cultural tradition. **Conclusions.** Our analysis of the

quiver's decorative elements and ornamental patterns suggests that the artefact was produced by an Oirat or Tibetan craftsman — to be later ornated by a Moslem jeweler. The quiver may have also been completely produced by a Central Asian craftsman in the Oirat style. Anyway, the customer was definitely a well-to-do Chakar (West Siberian) Kalmyk or Dzungar warrior. So, it was manufactured during the existence of Siberian and Central Asian Oirat states — in the 17th to mid-18th centuries. The quiver could have been delivered to Western Siberia as an item of trade, a diplomatic gift or a trophy of war.

Keywords: Oirats, Khoshuts, Dorbets, Dzungars, Oirat weaponry, quivers, Dzungar quivers, Tibetan quivers, Oirat-type quivers

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Balyunov I. V. Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture: Introducing a Seventeenth/Mid-Eighteenth-Century Quiver. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 624–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

1. Введение

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТИАМЗ) хранится богато оформленный кожаный колчан (инв. № ВО-73), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и этнографов (фото 1).

Согласно учетной документации ТИАМЗ (1985 г.), «колчан записан в книгу поступлений из старых, ранее незаписанных, фондов музея, источник неизвестен, бытовал у татар» [Инвент. карт. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. Л. 1]. В том же документе отмечается, что колчан представлял собой «дар от неизвестного лица», сделанный в 1925 г. [Инвент. карт. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. Л. 1].

Однако данная информация требует существенной корректировки. Интересующий нас колчан можно видеть уже на фотографии Археологического отдела Тобольского губернского музея (фото 2). Данная фотография была помещена в альбом, созданный для подношения цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II) во время его визита в Тобольск летом 1891 г. Таким образом, в этот период колчан уже находился в музейном собрании¹.

¹ Стоит отметить, что на той же фотографии рядом с колчаном размещен и кожаный налуч для лука (фото 2). Не исключено, что оба предмета входили в состав одного саадачного набора. К сожалению, местонахождение налуча в настоящее время не установлено.

В 1890 г. (т. е. за год до визита цесаревича) был издан каталог «Археологический отдел Тобольского губернского музея», составленный консерватором музея Н. А. Лыткиным. Каталог, помимо прочего, содержал перечень экспонируемого в музее вооружения, однако колчан в этом списке отсутствует. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что он поступил в фонды уже после составления каталога, но до визита цесаревича в Тобольск, т. е. в 1890 – первой половине 1891 гг.

Обстоятельства передачи колчана в музейное собрание не установлены. Однако необходимо отметить, что в начале XX в. музеем периодически приобретались предметы вооружения, ранее принадлежавшие представителям влиятельного рода тобольских служилых татар Кульмаметьевых [Бобров, Балюнов 2022: 231]. Представляется вероятным, что интересующий нас колчан также мог быть передан в музей одним из наследников семейства Кульмаметьевых или другого состоятельного татарского рода, проживавшего на территории Тобольского округа или сопредельных регионов Западной Сибири.

В последней четверти XX в. фотографии с изображением колчана были опубликованы в нескольких научно-популярных изданиях, посвященных коллекциям Тобольского музея-заповедника. Во всех случаях предмет был отнесен к вооружению татарских воинов XVI в. [Надточий 1988: 110, 111; Сибирские реликвии 2000: 132].

Фото 1. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ (фото: Ю. Г. Аверин)
[Photo 1. Quiver BO -73 from Tobolsk Reserve Museum of History and Agriculture (TRMHA).
Photo by Yu. Averin]

Несмотря на то, что прорисовки колчана уже публиковались в научных статьях и учебных пособиях [Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 34, рис. 1: 11], он еще не стал объектом специального научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о колчане ВО-73 из собрания ТИАМЗ. Работа продолжает серию публикаций о вооружении монгольских народов [Бобров, Алексеев 2022; и др.]. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание размеров, особенностей конструкции и системы оформления колчана, уточнить его датировку и атрибуцию.

2. Описание колчана

Общая высота колчана (от края днища до верхней части спинки) — 55 см (в том числе спинка — 51,0 см). Высота колчана от днища до среза горловины — 39 см. Ширина (в верхней / центральной / нижней части) — 28 см / 20 см / 21,5 см соответственно. Толщина колчана 2–2,5 см (в том числе толщина кожаных стенок колчана: 2,5–3 мм). Вес (с учетом фрагмента саадачного пояса) — 850 г.¹

2.1. Конструкция колчана

На основании материала изготовления и особенностей конструкции колчан ВО-73 может быть отнесен к категории кожаных колчанов-футляров с каркасом из деревянных и железных пластин.

Основу L-образного каркаса формирует вертикальная прямоугольная в поперечном сечении рейка (2 на 2,5 см), проходящая вдоль спинки колчана и соединенная с днищем миндалевидной формы (фото 3: 1, 4; 4, 1, 2). Вдоль переднего вырезного края колчана (с его тыльной стороны) приклепана узкая железная планка S-образной формы (фото 4: 1a)². Данные деревянные и металлические пластины придают всей конструкции необходимую жесткость и служат каркасом для крепления кожаных элементов колчана.

Последние представлены тремя узкими фрагментами удлинённо-прямоуголь-

¹ Необходимо учитывать, что за истекшие столетия органические элементы колчана (дерево, кожа) оказались пересушены. В период эксплуатации он весил заметно больше.

² Ширина планки — 1 см, толщина — около 2 мм.

ной формы и двумя большими вырезными асимметрично-трапециевидными лопастями. Удлинённо-прямоугольные кожаные полосы сшиты между собой и формируют переднюю стенку колчана с характерными «ушками» (фото 3: 2)³. Большие лопасти сложной вырезной Y-образной формы образуют лицевую и тыльную сторону колчана (фото 4, 1)⁴. Отличительными особенностями силуэта колчана являются высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное далеко вперед длинное и широкое верхнее «ушко», миниатюрное, но ярко выраженное нижнее «ушко» полукруглой формы, и приостренное днище (фото 4; 6: 1)⁵.

При сборке колчана был использован комбинированный способ соединения его элементов. Передняя стенка сшита с большими вырезными лопастями с помощью нитей и дополнительно армирована с тыльной стороны упомянутой выше железной S-образной планкой. Последняя крепится к коже с помощью металлических заклепок (фото 4: 1a). Для соединения лицевой и тыльной кожаной лопасти к деревянному L-образному каркасу также использованы заклепки с округлыми шляпками. Значительный интерес представляет тот факт, что заклепки на лицевой стороне колчана снабжены более крупными полусферическими шляпками из медного сплава (диаметр — 1,1 см)⁶. На каждую из них нанесены по шесть надрезов, благодаря которым шляпке придан вид распустившегося цветка (фото 3: 5, 6; 5). В настоящее время на лицевой стороне колчана фиксируется 19 фигурных заклепок. Однако пустое отверстие на спинке колчана свидетельствует, что в первоначальной комплектации их было не менее 20.

³ К «ушкам» крепились кожаные ремешки, с помощью которых колчан подвешивался к саадачному поясу.

⁴ В современном оружьеведении лицевая и тыльная сторона колчана может также именоваться «плоскостью» или «полем» колчана [Бобров, Худяков 2008: 12].

⁵ Кожу на лицевой стороне колчана заметно повело, из-за чего верхнее ушко визуально кажется короче, чем на самом деле.

⁶ Шляпки заклепок, предположительно, выполнены из бронзы с высоким содержанием меди.

Фото 2. «Отдел Археологический». Фотоальбом. Тобольский губернский музей. Второй экземпляр альбома, поднесенного Государю наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1891 г. 10 июля. Фонды ТИАМЗ. ТМ-15498

[Photo 2. 'Archaeological Department'. Photo album. Tobolsk Governorate Museum. Second copy of the album presented to His Imperial Highness the Successor Tsesarevich Nikolai Alexandrovich on 10 July 1891. TRMHA. ТМ-15498]

Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестом, благодаря чему верхний край кармана имеет Э-образную форму (фото 1; 5). Как видно из описаний и изображений периода Средневековья и Нового времени, в карман могли помещаться как обычные стрелы, так и их особые разновидности. В первом случае это увеличивало боекомплект стрелка, а во втором — облегчало поиск стрелы со специализированным типом наконечника (илл. 1: 3, 5, 6). Наряду со стрелами в кармане колчана могли храниться плеть, напильник для заточки стрел, тетива, запасные наконечники и т. д.

Вероятно, для той же цели использовался еще один длинный и узкий кожаный карман, расположенный вдоль спинки на тыльной стороне колчана (фото 3: 3). Он крепится к органической основе колчана с помощью нитей и заклепок. Высота заднего кармана — 25 см, ширина в верхней части — около 5 см, в нижней — 3 см.

Лицевая часть колчана снабжена двумя перекрещивающимися кожаными ремнями (ширина — 2 см). В месте их наложения вставлена заклепка с резной полусферической шляпкой, надежно соединяющая ремни между собой (фото 5: 1). Подобное Х-образное расположение ремней предотвращало выпадение стрел и других предметов, помещенных в карман на лицевой стороне колчана (илл. 1: 1, 3–6).

Левые концы ремней прибиты к спинке колчана заклепками с резными полусферическими шляпками, правые — прикрыты округлыми слабовыпуклыми металлическими бляхами (диаметр — 4,5 см), выполняющими роль крепежных пластин (фото 3: 2, 4: 1, 5, 6; 5: 1). Поверхность блях украшена густым растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки по рихтованной поверхности (фото 3: 5, 6). Основу сложной композиции формирует крестообразная фигура: четыре золотые ветви заканчиваются расходящимися в разные стороны листьями, которые, сплетаясь между собой, образуют четыре больших заостренных лепестка в каждый из которых вписано стилизованное изображение цветочного бутона. Последние прорастают цветочными побегами, заполняющими оставшееся пространство пластины. По периметру бляхи

пропущена гирлянда из золотых S-образных завитков в обрамлении двойного золотого канта. На оборотной стороне блях расположены стальные петли, которые вставлены в сквозные отверстия на «ушках» колчана. Проходя «ушки» насквозь, петли выходят на их тыльную сторону таким образом, чтобы к ним можно было привязать кожаные ремешки, соединяющие колчан с саадачным поясом (фото 6: 2; 6: 1a).

2.2. Декоративное оформление лицевой стороны колчана

Гладкая лицевая сторона колчана украшена растительным орнаментом, выполненным в черно-золотых тонах (фото 5). По периметру поля колчана, а также по краю Э-образного кармана пропущена золотая полоса (ширина: 1,6–1,9 см), на которую нанесен исключительно популярный среди народов степной полосы Евразии и сопредельных территорий узор в виде вьющейся лозы с почками, побегами и листьями. Центральная часть колчана оформлена зеркальным образом. Если на окантовочной полосе темный рисунок помещен на золотое поле, то в центральной части колчана побеги, листья и цветы выписаны золотой краской по темному фону (фото 5). Подобный цветовой контраст создает запоминающийся художественный эффект.

Основу композиции в нижней части колчана формирует образ закрученного в спираль цветочного побега, увенчанного большим пышным бутонем, который изображен в профиль (фото 5: 2). Наиболее вероятно, что художник вдохновлялся образом гвоздики или лотоса. От основного стебля отходят многочисленные побеги и листья с фестончатым краем, которые заполняют собой все остальное поле колчана. Тот же растительный мотив, но уже без большого бутона повторяется в верхней части колчана (фото 5: 1). Рисунок нанесен с большим мастерством, тщательно и весьма аккуратно.

На поверхности лицевой части колчана фиксируются потертости и повреждения. Частично утрачены изображения по периметру колчана, а также на поверхности ремней, один из которых оборван (фото 5: 1). Из-за выпадения заклепки ремень сдвинулся, благодаря чему стала видна поверхность колчана под ним. Она лишена орнамента, что позволяет восстановить возможную по-

Фото 3. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ: 1 — спинка колчана, 2 — передняя стенка колчана, 3 — фрагмент тыльной стороны колчана с задним карманом; 4 — каркасная рейка спинки колчана (вид сверху); 5, 6 — бляхи (крепежные пластины) на верхнем (5) и нижнем (6) «ушке» колчана (фото: Ю. Г. Аверин)

[Photo 3. Quiver BO-73 from TRMHA: 1 — back of the quiver, 2 — front wall of the quiver, 3 — fragment of the rear side of the quiver with a back pocket; 4 — frame rail on the back of the quiver (top view); 5, 6 — plaques (fixing plates) on the upper (5) and lower (6) 'eyes' of the quiver.

Photo by Yu. Averin]

Фото 4. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ: 1 — днище (донце) колчана; 2 — внутреннее пространство колчана и разделительные жгуты; 3 — фрагмент саачного пояса с колчанным крюком (фото: Ю. Г. Аверин)

[*Photo 4.* Quiver BO-73 from TRMHA: 1 — bottom of the quiver; 2 — inner space of the quiver and separating harnesses; 3 — fragment of a saadak belt with a quiver hook. Photo by Yu. Averin]

следовательность выполнения работ мастером. На начальном этапе лицевая сторона колчана окрашивалась в черный цвет, затем крепились ремни, и только после этого колчан расписывался золотой краской.

2.3. Оформление тыльной стороны колчана и его внутреннее устройство

Тыльная сторона колчана и задний карман изготовлены из выделанной коричневой кожи и покрыты тиснением в виде сплошной мелкой косой сетки (фото 3: 3; 6: 1a). В верхней и нижней части тыльной стороны колчана пришиты две фигурно вырезанные кожаные петли, оформленные в виде трехлепестковых бутонов с загнутыми в стороны боковыми лепестками и горизонтальной прорезью в центральном лепестке (фото 3: 3; 6: 1a). Петли используются для крепления парного продольного ремешка, который представлял собой третью точку подвеса колчана к поясу (фото 3: 3; 6: 1a; 7: 1a, 2a). Основной задачей ремешка было предотвращение опрокидывания колчана назад, что могло привести к выпадению стрел (илл. 1: 7).

Внутреннее пространство колчана поделено на отдельные секции двумя длинными продольными и семью короткими жгутами, которые состоят из шнура светлой ткани в тканевой же оболочке (фото 4: 2). Система жгутов позволяла равномерно распределить стрелы по всему колчану, избегая их скопления в одной его части (илл. 1, 3–7). Кроме того, в разные секции можно было поместить стрелы с разными типами наконечников, что облегчало лучнику поиск нужной стрелы во время боя.

На основании особенностей оформления рассматриваемый колчан может быть отнесен к асимметрично-трапецевидным колчанам с удлинённой заостренной «спинкой», приостренным днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом с перекрещивающимися ремнями, металлическими заклепками по периметру, полусферическими крепежными пластинами и орнаментированной лицевой поверхностью.

2.4. Саадачный пояс

Наряду с самим колчаном до нашего времени дошел фрагмент саадачного пояса (фото 1; 3: 2; 4: 1). В настоящее время он состоит из кожаного ремня (длина — 22 см, ширина — 2,5 см) и металлической накладки удлинённо-подпрямоугольной формы с крючком на конце (фото 1; 3: 2; 4: 1, 3;

6: 1). Щиток накладки крепится к ремню с помощью двух заклепок с полусферическими шляпками (фото 4: 3). Общая длина накладки с крючком — 10 см (в том числе длина крючка — 2,5 см), ширина пластины — 2,5 см.

Щиток накладки украшен в технике насечки по рихтованной поверхности. Использована белая (предположительно серебряная) и желтая (медная, золотая?) проволока¹. По краю щитка пропущена окантовка из белого металла. Внутреннее пространство пластины украшено двумя картушами, которые выполнены в форме ласточкиного хвоста. Внешний картуш изготовлен из белой, а внутренний — из желтой проволоки (фото 4: 3). Пространство внутреннего картуша заполнено густым растительным орнаментом в виде переплетающихся желтых цветочных побегов с листьями и бутонами. Один из коротких концов щитка украшен остроугольным вырезом, на противоположном конце вырез передан с помощью орнамента. С-образный крючок снабжен выраженным наконечником с тремя поясками.

Накладка с крючком представляет собой одну из разновидностей так называемого «колчанного крюка». В момент застегивания саадачного пояса отогнутый наружу крючок накладки продевался в отверстие на противоположном конце ремня, надежно фиксируя пояс на талии воина. Как правило, в этот момент к стрелковому поясу уже были подвешены налуч (обычно слева, горловиной вперед) и колчан (справа, горловиной назад). В рассматриваемом случае колчан крепился к поясу при помощи кожаных ремешков, продетых в петли на тыльной стороне крепежных пластин на «ушках» колчана (фото 3: 2; 4: 1; 6: 1).

3. Датировка и атрибуция

Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа.

По своей конструкции и системе оформления он существенно отличается как от узких 8-образных колчанов населения Восточной Европы, Западной и Средней Азии, так и от регламентированных вариантов колчанов войск цинской императорской армии [Бобров, Худяков 2008: 124, 125, 155; Armaments... 2008: 29, 30, 92–98; Бобров,

¹ Не исключено, что мастером была применена техника золочения серебряного узора.

Пинк 2014: 246–253; Прокопенко 2012а; Прокопенко 2012б].

Аналоги интересующего нас колчана происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири. Именно они сочетают асимметрично-трапециевидный силуэт, карман и перекрещивающиеся на лицевой части колчана кожаные ремни [Бобров, Худяков 2008: 113, 116, 134, 138, 141–154]. Внутри данной группы фиксируется особая серия колчанов, которые можно определить в качестве ближайших аналогов рассматриваемого образца из собрания ТИАМЗ. Отличительной особенностью колчанов данной серии является очень высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное вперед массивное верхнее «ушко», слабо-выпуклое (иногда немного приостренное) днище, Э-образный карман и характерные металлические заклепки по периметру. Лицевая сторона большинства колчанов расписана растительным и геометрическим орнаментом (фото 6: 2; 7; 8: 1–3).

Большинство колчанов указанной серии из западных музейных собраний и частных коллекций датируются XVII–XVIII вв. и атрибутируются как «тибетские» или «монгольские» [LaRocca 2006: 192–195; Бобров, Худяков 2008: 116, 146, 147]¹.

¹ По мнению нидерландского исследователя и коллекционера П. Деккера, один из колчанов серии может быть датирован XV–XVI вв. (фото 8: 1). Основанием для подобной датировки является схожесть узоров на его поверхности с узорами колчанов-«коробов» («пеналов») из Королевской оружейной палаты (г. Лидс, Великобритания) и Метрополитен-музея (г. Нью-Йорк, США) [LaRocca 2006: 190–192; Dekker 2020]. Однако упомянутые колчаны-«короба» датируются американскими и британскими исследователями не XV в., а XV–XVII вв. [LaRocca 2006: 190–192; Dekker 2020]. Кроме того, даже если упомянутые колчаны-«короба» действительно изготовлены в XV в., сходство их декоративного оформления с оформлением колчана-«футляра» (фото 8: 1) может указывать на преемственность культурно-образительной традиции, а не на их синхронное бытование. Против датировки указанного элемента саадачного набора XV в. свидетельствует и отсутствие изображений подобных колчанов в синхронных образительных памятниках. Наконец, конструкция раннего (по версии П. Деккера) колчана практически идентична конструкции его аналогов XVII–XVIII вв.

Тибетское происхождение некоторых колчанов подтверждается их характерным декоративным оформлением (фото 7: 1б; 8: 1). Однако необходимо отметить, что колчаны подобного типа встречаются и за пределами «Страны снегов». Наряду с рассматриваемым образцом из ТИАМЗ, можно отметить колчан из Семиречья (в настоящее время хранится в частной коллекции), а также колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея [Бобров, Пилипенко, Мартюшов 2023]. Последний не сохранил Х-образные ремни, однако на их наличие в первоначальной комплектации колчана указывают обрывок верхнего ремня, а также отверстия и характерные заклепки на его лицевой поверхности (фото 6: 2). И если богато оформленный колчан из ТИАМЗ еще можно, с определенными оговорками, связать с тибетским импортом, то его лаконично оформленные аналоги из Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана, по всей видимости, представляют собой изделия центральноазиатских или сибирских мастеров.

До нашего времени дошли изображения сибирско-татарских, ойратских, монгольских, бурятских и тибетских колчанов конца XVII – начала XIX в. (илл. 1; 2). К сожалению, рисунки Ремезовской летописи слишком схематичны, чтобы достоверно определить покрой колчанов ойратских и сибирско-татарских воинов конца XVII – начала XVIII в. Уверенно можно говорить лишь о том, что они были снабжены парой ремней, перекрещивающихся на лицевой стороне колчана (илл. 1), и в некоторых случаях ярко выраженным нижним «ушком» (илл. 1: 1–3).

На картинах и гравюрах российских художников начала XIX в. колчаны монголов и бурят изображены весьма достоверно (илл. 2: 3, 5, 6), что подтверждается их сличением с подлинными колчанами данных народов, дошедшими до нашего времени [Бобров, Худяков 2008: 131–146, 148, 150–154]. Однако монгольские и бурятские колчаны несколько отличаются от образцов рассматриваемой серии. Так, например, (фото 6; 7; 8: 1–3). Таким образом, датировка упомянутого колчана XV в. представляется маловероятной. При этом возможность определения времени его изготовления XVI в. может являться предметом научной дискуссии (см. ниже).

Фото 5. Лицевая сторона колчана BO-73 из собрания ТИАМЗ: 1 — верхняя часть; 2 — нижняя часть (фото: Ю. Г. Аверин)

[Photo 5. Front side of quiver BO-73 from TRMHA: 1 — upper part; 2 — lower part.
Photo by Yu. Averin]

Фото 6. Колчаны из собрания ТИАМЗ (1) и НКМ (2): 1а, 2а — вид сзади; 1б, 2б — вид спереди (1 — фото Ю. Г. Аверина; 2 — фото Р. А. Мартюшова)

[Photo 6. Quivers from TRMHA (1) and Novokuznetsk Museum of Local History and Lore (2): 1а, 2а — rear views; 1б, 2б — front views. 1 — photo by Yu. Averin, 2 — photo by R. Martyushov]

спинка колчанов монгольского типа значительно более низкая (илл. 2: 5), а верхнее «ушко» практически не выдается вперед [Бобров, Худяков 2008: 153]. В свою очередь бурятские колчаны обычно снабжены широкой массивной спинкой, симметричными «ушками» (илл. 2: 6), а их днище дополнено ярко выраженным выступом, так называемым «горбом» [Бобров, Худяков 2008: 152]. Существенно отличается и декоративное оформление. Лицевая сторона монгольских и бурятских колчанов традиционно украшалась металлическими накладками различных форм и размеров (илл. 2: 3, 5–7)¹, в то время как колчаны рассматриваемой серии обычно снабжены лишь ременными бляхами и заклепками по периметру (фото 6–8).

На тибетской танка «Далха»² XVIII в. из фондов Государственного музея Востока (далее — ГМВ) изображен колчан с выраженной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, Э-образным карманом и слабовыпуклым днищем (илл. 2: 1, 4). Однако и он по своему силуэту ближе к колчанам монгольского образца, так как оба ушка находятся почти на одном уровне. На принадлежность изображенного колчана к саадачному набору «монгольского типа» указывает и округлая металлическая бляха в нижней части поля колчана. Подобные бляхи являются характерным элементом оформления монгольских колчанов XVII – первой половины XIX в. (илл. 2: 5).

Таким образом, зафиксированные в образительных памятниках позднего Средневековья и Нового времени монгольские, бурятские и тибетские колчаны типологически близки, но не идентичны колчанам изучаемой серии.

¹ Лицевая сторона колчанов предбайкальских бурят в некоторых случаях почти целиком покрыта серебряными, посеребрёнными и (или) железными пластинами [Бобров, Худяков 2008: 132–136].

² «Далха» (от тиб. *dgra lha*) — группа божеств, имеющих связь с древними верованиями кочевников Центральной Азии. С распространением буддизма стали одними из защитников буддийского учения, которые покровительствовали воинам, войне и благосостоянию людей. Одним из божеств «далха» являлся *Дайчи тэнгри*, который считался покровителем ойратского народа [Корнеев 2022: 123–134].

В данной связи значительный интерес предоставляет географическая локализация находок интересующего нас варианта колчанов. Как уже отмечалось выше, они происходят с территории Тибета, Юго-Восточного Казахстана, а также южных районов Западной и Центральной Сибири. В XVII – первой половине XVIII в. все перечисленные регионы являлись объектом военно-политических притязаний ойратов — западных монголов, которые были известны в Цинском Китае под именем олёты, в Тибете — как сог-по, среди тюркских народов — как калмаки, а в России — как калмыки.

В XVII в. ареал ойратской экспансии включал степи Восточной Европы, Казахстана и Монголии, а также территорию северо-западного Кавказа, Южной Сибири, Восточного Туркестана и Тибета. В середине столетия сложились четыре основных военно-политических группировки ойратов — «Калмыцкая» (с центром в Северном Прикаспии), «Чакарская» (на юге Западной Сибири), «Хошутская» (на Кукунурской равнине в Тибете) и «Джунгарская» (на территории Юго-Восточного Казахстана и Западной Монголии) [Бобров, Рюмшин 2015: 357–378; Бобров 2019: 365–367].

Ойраты оказали заметное влияние на развитие оружейных комплексов населения упомянутых регионов [Бобров, Худяков 2006: 200–232; Бобров, Худяков 2008: 604–620, 636–655; Shim 2020: 97–108]. При этом собственно ойратский оружейный комплекс длительное время в значительной степени сохранял внутреннее единство. Этому весьма способствовал тот факт, что отдельные группы ойратов периодически перекочевывали от одной ойратской группировки к другой. Так, например, в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. хошуты Гуши-хана массово переселились из Южной Сибири в Тибет. В 1686–1687 гг. тайша Цаган-Баатур и три тысячи его «улусных людей» откочевали из Джунгарии в Поволжье. В начале XVIII в. в обратном направлении проследовал сын калмыцкого хана Аюки — «царевич» Санджип, который увел с собой в Центральную Азию до 15 тыс. ойратских кибиток (60–75 тыс. чел.). Примерно в то же время значительная группа хошуты (по русским данным — более 10 тыс. чел.) покинула Тибет и переселилась в Джунгарию. С одной стороны, данный процесс способ-

ствовал обмену оружейными новинками между различными ойратскими военно-политическими группировками, но с другой — сдерживал процесс распада единой военно-культурной традиции. В результате в разных регионах Евразии ойратские воины XVII – начала XVIII в. продолжали применять схожие разновидности боевых наголовий, корпусных панцирей, длинно-клинкового оружия и др. [Бобров, Худяков 2008: 267, 274–283; Armaments ... 2008: 144; Бобров, Балюнов 2022: 237, 238; Бобров, Зо-зуля 2022: 125–130; Бобров, Кабульдинов, Агатай 2022: 95–98].

В данном контексте, на наш взгляд, и следует рассматривать феномен колчанов изучаемой серии. В настоящее время сложно сказать, является ли рассматриваемый тип колчана собственно ойратским или он был заимствован ойратами в Тибете или Южной Сибири, а затем распространен в других регионах. Однако связь подобных колчанов с ареалом военно-политического влияния ойратских племен вряд ли может считаться случайной.

Наиболее вероятно, что рассматриваемый тип центральноазиатских колчанов сформировался на основе одного из поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров, завоевавших популярность среди кочевников Евразии в XIV–XV вв. Не исключено, что одним из возможных предшественников колчанов изучаемой серии был знаменитый кожаный колчан из памятника *Абрамово-10* (Барабинская степь), снабженный удлиненным верхним «ушком», который датирован XIV–XVI вв. [Молодин, Соболев, Соловьев 1990: рис. 48, 1; Соловьев 2003: 160, рис. 10в]¹.

Появление колчанов рассматриваемого типа на территории владений ойратов или их южносибирских вассалов (т. е. на стыке западных и восточных военно-культурных традиций) обусловило их оригинальный внешний вид. От колчанов центральноазиатского образца они унаследовали широкий асимметрично-трапециевидный силуэт и парные перекрещивающиеся ремни, а от колчанов западных регионов бывшей Великой Монгольской империи — традицию

украшать лицевую сторону колчана не металлическими накладками, а растительным узором. Что касается удлиненной спинки и ярко выраженного верхнего «ушка», то эти элементы оформления достаточно редко встречаются как на колчанах западно-, так и центрально- и восточноазиатского образцов и могут являться характерными типологическими признаками колчанов рассматриваемой серии.

Если наше предположение верно, то колчаны «ойратского типа» могли попасть в Тибет вместе с победоносными войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. Вплоть до второй четверти XVIII в. ойраты продолжали оставаться главной военной силой в регионе, а реальные рычаги управления «Страной снегов» во многом находились в руках хошутской и (в отдельные периоды) чоросской (джунгарской) знати. Почти столетнее доминирование ойратов не могло не сказаться на росте популярности среди тибетцев вооружения ойратского образца. Распространение колчанов рассматриваемого типа в регионе во многом было обусловлено желанием местных мастеров угодить вкусам хошутской аристократии и лояльной ей тибетской элиты. Однако, сохранив форму ойратского колчана, оружейники «Страны снегов» украсили его в тибетском стиле, что придало данному элементу саадачного набора оригинальный внешний вид.

Подводя итог обзору колчанов рассматриваемой серии, необходимо отметить, что их общее стилистическое сходство не вызывает сомнений. Однако образец из ТИАМЗ имеет ряд интересных особенностей, выделяющих его среди других колчанов «ойратского типа». В первую очередь стоит отметить декоративное оформление крепежных пластин. Их поверхность украшена растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки (фото 3: 5, 6). Особенности передачи узора позволяют предположить, что он был нанесен мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. Сходное оформление фиксируется на изделиях османских, иранских, мамлюкских, индийских, среднеазиатских мастеров позднего Средневековья и Нового времени [Государева Оружейная 2002: 50–67; The Arts... 2008: 72, 80–84, 103, 144, 159, 164, 178, 273–

¹ К сожалению, колчан сохранился фрагментарно, что не позволяет достоверно установить, имел ли он удлиненную спинку, как колчаны рассматриваемой серии.

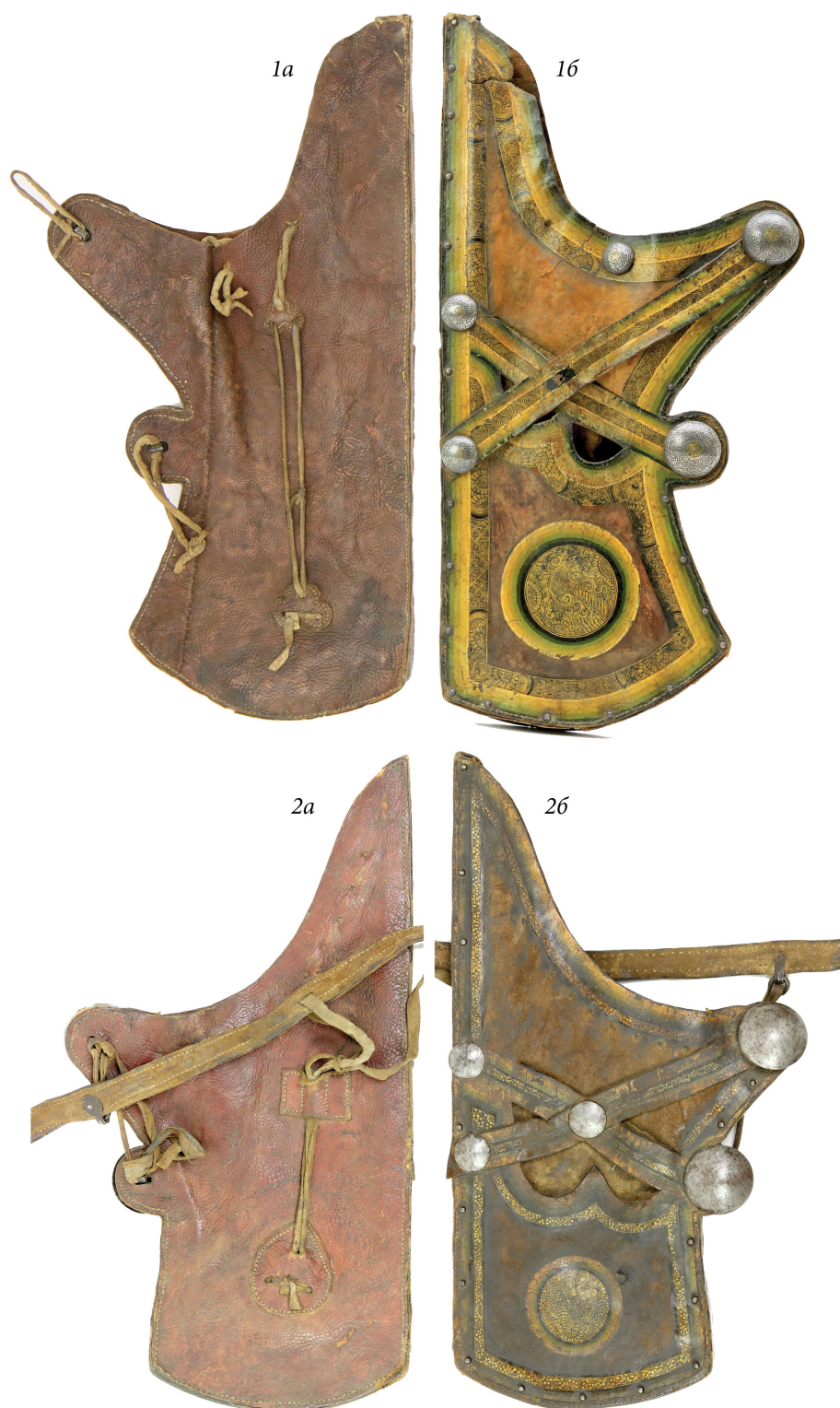

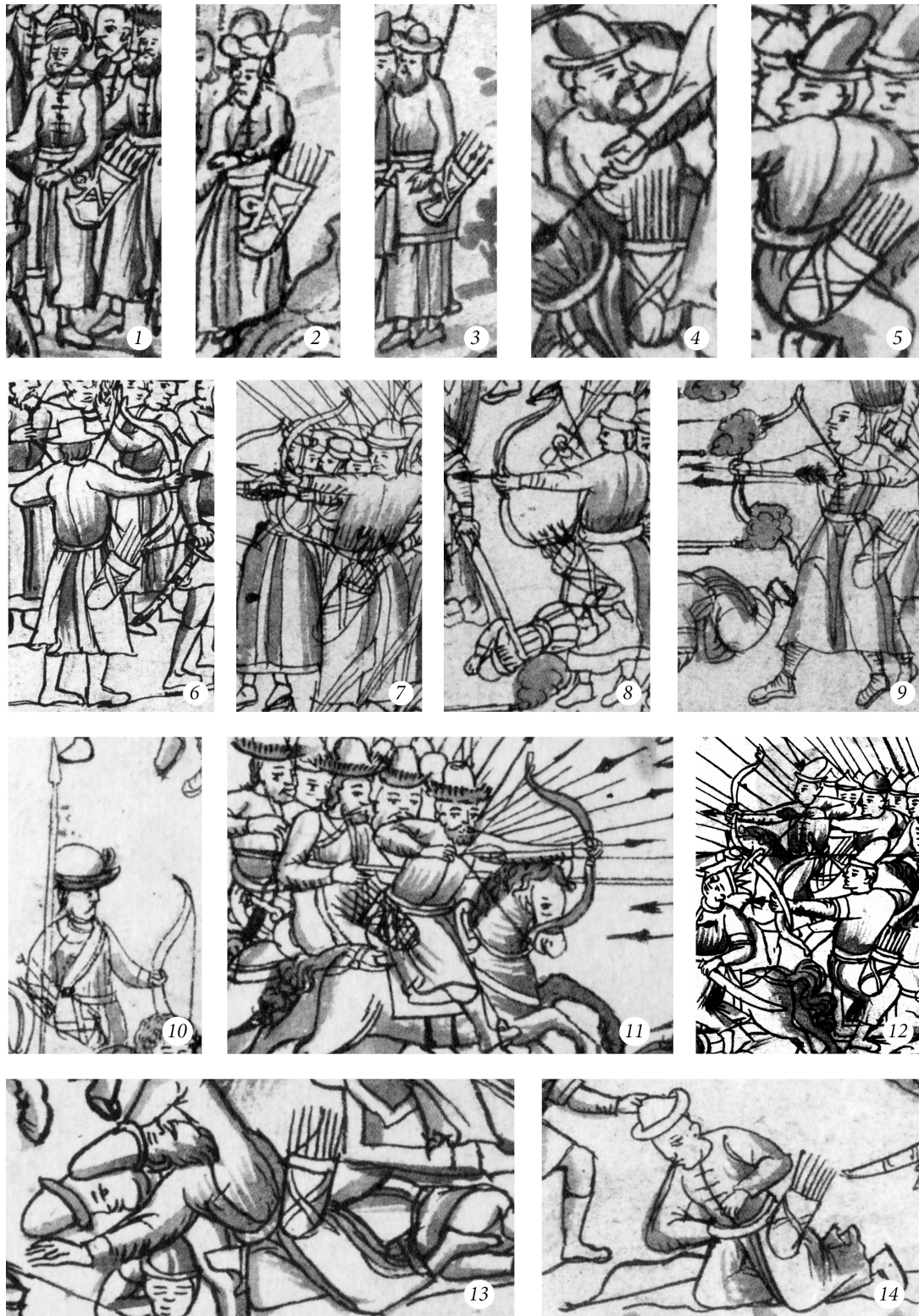
Фото 7. Колчаны из частных коллекций: 1а, 2а — вид сзади; 1б, 2б — вид спереди
(по: [Dekker 2019a; Dekker 2021])

[Photo 7. Quivers from private collections: 1a, 2a — rear views; 1b, 2b — front views]

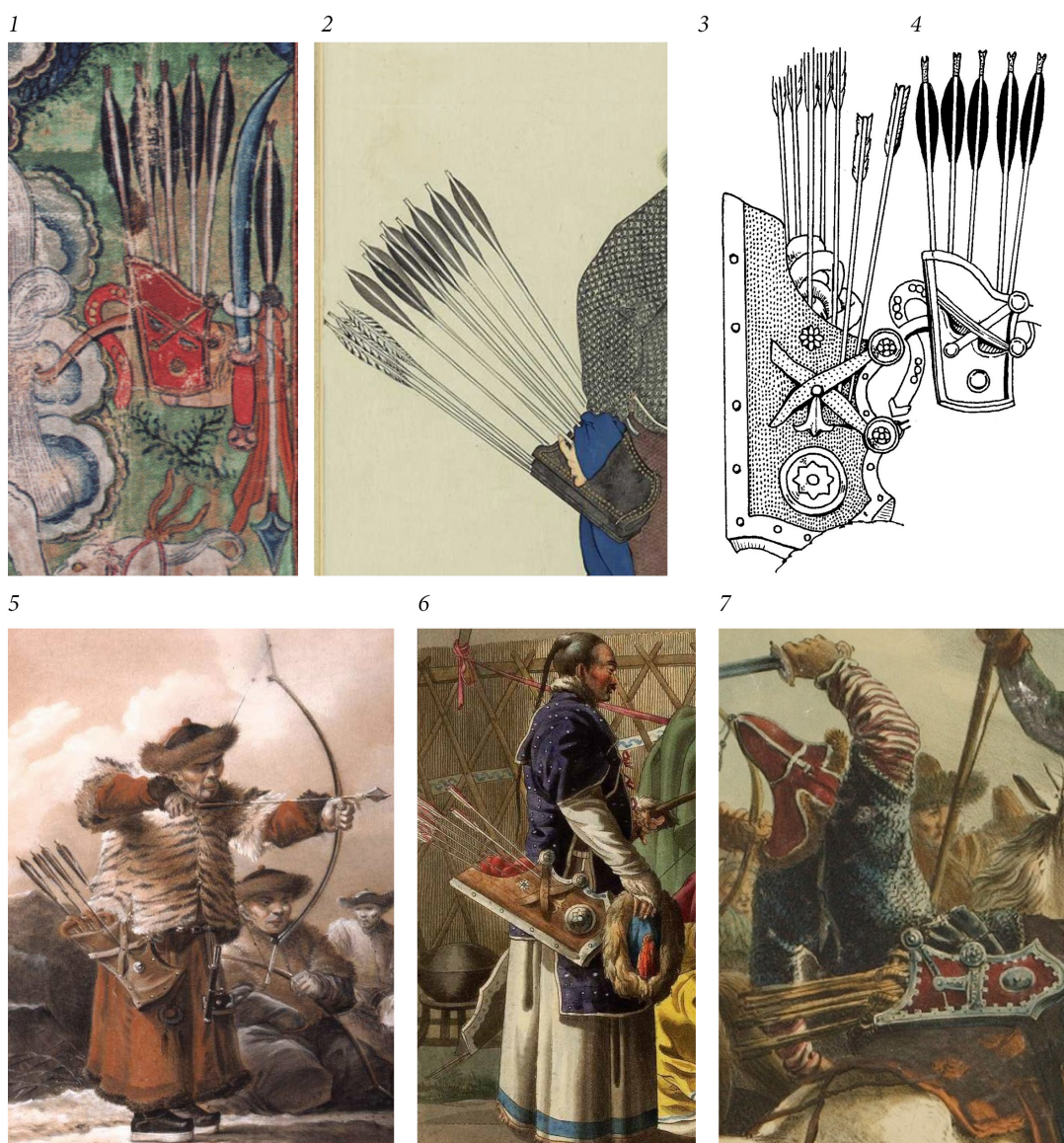
Фото 8. Колчаны с территории Тибета (1–3) и Цзиньчуани (4) из частных коллекций (1, 4), ММА (2), НМШ (3): (1, 4 — по: [Dekker 20196; Dekker 2020]; 2, 3 — по: [LaRocca 2006])

[Photo 8. Quivers from Tibet (1–3) and Jinchuan (4) contained in private collections (1, 4), Metropolitan Museum of Art (2), National Museum of Scotland (3)]

Илл. 1. Изображения колчанов ойратских (10, 11), сибирско-тагарских воинов, остяцких и вогульских воинов, Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII в.

[Ill. 1. Pictures of Oirat quivers (10, 11), Siberian Tatar warriors, Ostyak and Vogul warriors, Remezov Chronicle, late 17th – early 18th cc.]

Илл. 2. Изображения центральноазиатских и южносибирских колчанов: 1, 4 — танка «Далха», Тибет, XVIII в., ГМВ; 2 — Фрагмент портрета джунгарского полководца Сарала на цинской службе, третья четверть XVIII в., частная коллекция; 3, 6 — «Братские татары» (буряты), гравюра Е. М. Корнеева, начало XIX в.; 5 — «Монголы», художник А. О. Орловский, 1808 г., Краснодарский краевой художественный музей; «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», художник А. О. Орловский, около 1826 г.

[*Ill. 2.* Pictures of Central Asian and South Siberian quivers: 1, 4 — Dalha thangka, Tibet, 18th c., State Museum of Oriental Art; 2 — Fragment of a portrait of the Dzungar commander Saral in Qing service, 1750s–1770s, private collection; 3, 6 — ‘Brotherly Tatars’ (Buryats), engraving by E. Korneev, early 19th c.; 5 — ‘Mongols’ by A. Orlovsky, 1808, Krasnodar Krai Museum of Fine Arts; ‘Combat between Kirghizes (Kazakhs) and Ural Cossacks’ by A. Orlovsky, ca. 1826]

275, 321, 346, 352, 355, 364, 391; Alexander 2015: 95–98, 108–110, 194–199, 231, 261, 262, 295, 296]. В данном случае наиболее вероятно, что бляхи были оформлены мусульманским ювелиром одного из городов Мавераннахра или Восточного Туркестана. Орнаментальные мотивы, выполненные в аналогичной или близкой технике, можно наблюдать, например, на среднеазиатских шлемах XVII–XVIII вв. [Бобров, Байтенова, Настич 2022: 47, 49–52, 58–61].

Узор на пряжке ремня напоминает растительный орнамент на «малом» ойратском сфероцилиндрическом шлеме из собрания ТИАМЗ (инв. № ВО-69), но отличается от него отсутствием закрученных в спираль усиков, лепестков и листьев, столь характерных для узора на ойратском наголовье.

Еще одной особенностью колчана из ТИАМЗ является декоративное оформление его лицевой стороны. Если на колчанах из западных музейных и частных собраний в качестве ядра композиции предстает заполненный орнаментом круг (фото 7: 1б, 2б) и (или) подпрямоугольный картуш (фото 8: 1–3), то на колчане из ТИАМЗ визуальный эффект окружности достигается за счет закручивающегося в спираль цветочного стебля, т. е. без применения дополнительных геометрических мотивов. При этом бутон цветка изображен в смешанной манере и сочетает в себе как образ гвоздики, характерной для мусульманского изобразительного искусства, так и образ лотоса, священного для монголоязычных буддистов (фото 5: 2).

Узор в виде вьющейся лозы с почками, побегами и листьями, изображенный на золотой полосе, которая проходит по всему периметру колчана, ремням, а также по краю Э-образного кармана, был популярен едва ли не на всей территории Центральной Азии. Однако особенно характерен он был для тюркских и монгольских кочевников региона.

Обращает на себя внимание характерное оформление кожаных петель на тыльной стороне колчана. Они вырезаны в виде трехлепестковых цветочных бутонов, напоминающих геральдическую лилию (фото 3: 3; 6: 1а). Данный орнаментальный мотив был исключительно популярен среди монголо- и тюркоязычных народов, а также их соседей эпохи Средневековья, Нового и Новейшего времени [Кочешков 1973: рис. 1:

13; 7: 9]. Он сохранился в традиционной культуре населения степных районов Евразии и сопредельных территорий вплоть до этнографической современности под названиями «бараний рог» (каз. *кошкар мюй-из*, кирг. *кучкурук*), «бычий рог», «коровий нос» и др. [Кочешков 1973: рис. 1: 13; 7: 9; Шевцова 2007: 22, 23, табл. 0-2А]. Интересно, что кожаные петли на тибетских колчанах имеют иное, как правило, более простое оформление (фото 7: 1а, 2а).

Таким образом, колчан из ТИАМЗ представляет собой синкретичное произведение, которое сочетает конструкцию и покроем колчанов «ойратского типа» с крепежными пластинами (бляхами), изготовленными мусульманским (предположительно среднеазиатским) мастером. Декоративное оформление лицевой и тыльной стороны колчана сочетает стилистику и приемы, характерные для колчанов «ойратского типа» с некоторыми деталями оформления, типичными для мастеров монголо- и тюркоязычных народов.

Представляется возможным предложить три основных варианта объяснения данного феномена.

Согласно первому, колчан был изготовлен и оформлен центральноазиатским (ойратским или тибетским) мастером и дополнен крепежными пластинами (бляхами), которые были выполнены (или украшены) мусульманским ювелиром.

Согласно второй версии, колчан был целиком изготовлен (или украшен) среднеазиатским мастером для знатного ойратского воина. При этом мусульманский оружейник постарался воспроизвести художественную стилистику колчанов «ойратского типа», но разнообразил ее декоративными мотивами, характерными для мусульманского Востока.

Согласно третьей версии, крепежные пластины могли быть смонтированы или украшены уже в период нахождения колчана у татар Западной Сибири. Однако данная версия представляется наименее вероятной.

Во всех трех случаях заказчиком и первым владельцем колчана был знатный ойратский воин, проживавший на территории Джунгарского государства или владений «чакарских» (западносибирских) тайшей. Как джунгары, так и «чакарцы» (дербеты, хошуты) контактировали с Тибетом и мусульманскими городами Мавераннахра.

В последней трети XVII в. в состав Джунгарии вошли оазисы Восточного Туркестана, что открыло джунгарам принципиально новые возможности для взаимодействия с ремесленниками «Малой Бухарии».

На территорию российских владений Западной Сибири колчан мог поступить в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея. Из материалов письменных источников известно, что как русские служилые и торговые люди, так и татары Западной Сибири активно взаимодействовали с ойратами на протяжении большей части XVII в. и даже позднее [Бобров, Балюнов 2022: 240–243]. Материальным подтверждением подобных контактов являются предметы ойратского вооружения (в том числе украшенные буддийской символикой), хранящиеся в собрании ТИАМЗ и ранее принадлежавшие представителям сибирско-татарской служилой элиты [Бобров, Балюнов 2022: 231–243].

Если владельцем колчана являлся ойратский воин из числа «чакарских калмыков», то верхней возможной датой его изготовления следует считать начало 70-х гг. XVII в.¹ Если колчан был изготовлен на территории центральноазиатских владений ойратов и Джунгарского государства, то он может быть датирован XVII – серединой XVIII в., но не позднее 50-х гг. XVIII в., когда Джунгария была разгромлена, а ее оружейные центры прекратили свое существование.

Выводы

Анализ собранных материалов показал, что изучаемый колчан поступил в собрание Тобольского губернского музея в 1890 – первой половине 1891 гг., а не в 1925 г., как считалось ранее. В этот период в музее также хранился кожаный налуч, возможно, входивший в тот же саадачный набор, что и колчан. Местонахождение налуча в настоящее время неизвестно.

Типологический анализ колчана позволил уточнить особенности его конструкции, декоративного оформления, а также датировку и атрибуцию.

Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ относится к кожаным каркасным колчанам-футлярам

асимметрично-трапециевидной формы, с удлиненной заостренной «спинкой», приостренным днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом с перекрещивающимися ремнями, металлическими заклепками по периметру, полусферическими крепежными пластинами и орнаментированной лицевой поверхностью.

На основании изучения вещественных и изобразительных источников опровергнута ранее бытовавшая атрибуция колчана как изделия татарских мастеров Западной Сибири.

Установлено, что данная разновидность колчанов входит в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличается от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и системы декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру).

Все известные колчаны рассматриваемого типа происходят с территории южных районов Западной и Центральной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. В XVII – середине XVIII в. данные регионы являлись объектом военно-политической экспансии западных монголов — ойратов (джунгар, хошутов, дербетов и др.). Время бытования и ареал распространения колчанов данного типа совпадает с периодом доминирования на указанных территориях различных ойратских государственных образований. Это позволяет с некоторой долей условности обозначить колчаны рассматриваемого образца как колчаны «ойратского типа». Внутри данной серии выделяются колчаны, изготовленные тибетскими мастерами с учетом местных традиций декоративного оформления. Последняя разновидность колчанов может быть обозначена как «ойрато-тибетская».

Колчаны «ойратского типа», вероятно, сформировались в середине XVI – начале XVII в. на основе поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров. По всей видимости, родиной подобных колчанов явля-

¹ В 1672 г. «чакарцы» потерпели поражение в войне со своими ойратскими соседями и были разделены между волжскими калмыками и джунгарами [Тепкеев 2012: 354, 355].

ется территория Западной Монголии, Южной Сибири, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. В Тибет колчаны «ойратского типа» попали вместе с войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что они сформировались в Тибете, а затем были распространены ойратами на территорию Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана.

Большинство известных образцов колчанов рассматриваемого типа можно датировать XVII – серединой XVIII в. В более поздний период они постепенно вышли из широкого военного обихода, уступив место колчанам монгольского, среднеазиатского, байкальского и цинского типа. Тем не менее они оказали определенное влияние на стиль оформления колчанов Центральной Азии и сопредельных территорий. Так, например, колчаны Цзиньчуани, хотя и сохранили местные зауженные пропорции, но стали снабжаться ремнями, бляхами и заклепками по образцу «ойратских» и «ойрато-тибетских» аналогов (фото 8: 4). Не исключено, что появление рядов заклепок по периметру некоторых разновидностей цинских колчанов также может быть связано с влиянием центральноазиатского (ойратского, монгольского) саадака. Характерно в данной связи, что колчан джунгарского полководца Сарала, перешедшего на сторону Цинской империи, хотя и выполнен по имперским стандартам, украшен по периметру рядами заклепок с желтыми (бронзовыми?) шляпками, как и рассматриваемый колчан из ТИАМЗ (илл. 2: 2). Появление удлиненной спинки и длинного верхнего ушка на некоторых разновидностях казахских 8-образных колчанов, возможно, также связано с ойратским влиянием [Бобров, Пинк 2014: 250–253].

Сокращения

ГМВ — Государственный музей Востока (г. Москва).

ККХМ — Краснодарский краевой художественный музей.

Источники

Инвентарная карточка. ТМ-5423. Инв. № ВО-73 — Инвентарная карточка. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. 1 л. // Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

Отмечая несомненное сходство изучаемого колчана из ТИАМЗ с другими образцами колчанов «ойратского типа», необходимо отметить его характерные особенности. Так, в частности, крепежные пластины (бляхи) были изготовлены (или украшены) мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. Декоративное оформление лицевой и тыльной стороны колчана сочетает элементы, характерные для изделий как монголо-, так и тюркоязычных народов Центральной Азии. Подобная синкретичность позволяет предположить, что колчан был изготовлен ойратским или тибетским мастером, а затем доработан мусульманским (предположительно среднеазиатским) оружейником или ювелиром. Также не исключено, что колчан целиком был выполнен среднеазиатским матером в ойратском стиле. В обоих случаях заказчиком колчана являлся состоятельный воин из числа «чаккарских» (западносибирских) калмыков или джунгар. Время изготовления колчана может быть локализовано периодом существования государственных образований сибирских и центральноазиатских ойратов, т. е. XVII – серединой XVIII в. На территорию Западной Сибири колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея.

Подводя итог исследования, необходимо отметить, что колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ представляет собой яркую разновидность колчанов «ойратского типа», получивших распространение на территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. Высокая научная ценность данного колчана обусловлена не только его хорошей сохранностью, но и исключительно богатым и оригинальным декоративным оформлением.

НМК — Новокузнецкий краеведческий музей.

НМШ — Национальный музей Шотландии (г. Эдинбург, Великобритания).

ММА — Метрополитен-музей (Metropolitan Museum of Art).

Sources

Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture. Accession Register Card. ТМ-5423. Inv. no. ВО-73. 1 p. (In Russ.)

Литература

- Бобров 2019 — *Бобров Л. А.* Джунгары — последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 364–398.
- Бобров, Алексеев 2022 — *Бобров Л. А., Алексеев Д. П.* Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263
- Бобров, Байтенова, Настич 2022 — *Бобров Л. А., Байтенова С. О., Настич В. Н.* Еще раз о шлеме с золотой насечкой из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 44–65.
- Бобров, Балюнов 2022 — *Бобров Л. А., Балюнов И. В.* «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 1. С. 226–249. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13
- Бобров, Борисенко, Худяков 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров, Кабульдинов, Агатай 2022 — *Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М.* Ойратские сфероцилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098
- Бобров, Зозуля 2022 — *Бобров Л. А., Зозуля С. С.* Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130
- Бобров, Пилипенко, Мартюшов 2023 — *Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А.* Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 12–32.
- Бобров, Пинк 2014 — *Бобров Л. А., Пинк И. Б.* Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского Государственного музея оружия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 243–255.
- Бобров, Рюмшин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмшин М. А.* «...И против них не ставили они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.
- Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 3. С. 188–234.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Государева Оружейная 2002 — Государева Оружейная палата / ред. В. Е. Тумановский. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Корнеев 2022 — *Корнеев Г. Б.* Священные знамена ойратов и калмыков: научно-популярное издание. Элиста: Центральный хурул РК «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2022. 232 с.
- Кочешков 1973 — *Кочешков Н. В.* Народное искусство монголов. М.: Наука, 1973. 200 с.
- Молодин, Соболев, Соловьев 1990 — *Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
- Надточий 1988 — *Надточий Ю. С.* Тобольский музей-заповедник. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 239 с.
- Прокопенко 2012а — *Прокопенко В. М.* Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 1: Конструкция. 27.03.2012 [электронный ресурс] // *Китаб хона: колодец знаний. Военное дело. Метательное оружие.* URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html (дата обращения: 07.12.2022).
- Прокопенко 2012б — *Прокопенко В. М.* Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 2: Каталог. 27.03.2012 [электронный ресурс] // *Китаб хона: колодец знаний. Военное дело. Метательное*

- оружие. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html (дата обращения: 07.12.2022).
- Сибирские реликвии 2000 — Сибирские реликвии: из собрания Тобольского музея / Тюменский рег. общ. фонд «Возрождение Тобольска». Тобольск, Верона: GRAFIC, 2000. 277 с.
- Соловьев 2003 — *Соловьев А. И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
- Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 376 с.
- Шевцова 2007 — *Шевцова А. А.* Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: Московский фонд «Казахская диаспора», 2007. 240 с.
- Alexander 2015 — *Alexander D. G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.
- Armaments 2008 — Gugong Bowuyuan Cang Wenwu Zhenpin, Quanji 56: Qing gong wu bei = Armaments and Military Provisions // The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56. Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p.
- Dekker 2019a — *Dekker P.* Tibetan or Mongolian quiver. 2019 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver> (дата обращения: 19.12.2022).
- Dekker 2019b — *Dekker P.* Rare Jinchuan quiver. 2019 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver> (дата обращения: 19.12.2022).
- Dekker 2020 — *Dekker P.* Early lacquered quiver. 2020 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion Antiques. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver> (дата обращения: 19.12.2022).
- Dekker 2021 — *Dekker P.* Tibetan bowcase and quiver. 2021 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion Antiques. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bowcase-quiver> (дата обращения: 19.12.2022).
- LaRocca 2006 — *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p.
- Shim 2020 — *Shim H.* The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // *Revue d'Etudes Tibetaines*. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. 2020, № 53. Pp. 56–113.
- The Arts... 2008 — *The Arts of the Muslim Knight: The Furuṣiyya Art Foundation Collection* / ed. by Bashir Mohamed. Milan: Skira, 2008. 416 p.

References

- Alexander D. G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p. (In Eng.)
- Antiques from Siberia: Collections of Tobolsk Museum. Tobolsk Revival Foundation. Tobolsk, Verona: GRAFIC, 2000. 277 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Dzungars — the last imperial nomads. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) *Nomadic Empires of Eurasia: Particularities of Historical Dynamics*. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Alekseev D. P. Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk ‘Framed’ Helmet Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Baitenova S. O., Nastich V. N. Once again about the helmet with golden notch from the collection of the North Kazakhstan Regional Museum. *Universum Humanitarium*. 2022. No. 1. Pp. 44–65. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Balyunov I. V. ‘Big’ Oirat spherocylindrical helmet in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve depositary. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34. No. 1. Pp. 226–249. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Military Science in Siberia: Interaction between Turko-Mongols and Russians in the Late Middle Ages and Modern Era. Coursebook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2010. 288 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay U. M. An Oirat spherocylindrical helmet and arming cap from the Central State Museum collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2022. Vol. 50. No. 4. Pp. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongolian influence on military affairs of Tibetans in the late Middle Ages and early modern period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*.

2006. Vol. 5. No. 3. Suppl. 2. Pp. 188–234. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and Southern Siberia: Weapons and Tactics in the Late Middle Ages and Modern Era (15th – Early-to-Mid 18th Centuries). St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology and Arts), 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. Late medieval Central Asian quiver from the collection of the Novokuznetsk Museum of Local Lore. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 12–32. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pink I. B. Arrows and quivers of the Kazakh warriors from the funds of the Tula State Museum of Arms. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014. Vol. 13. No. 3. Pp. 243–255. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ryumshin M. A. “... And against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them”. Arms and military tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Civilization*. 2015. No. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor plates from the excavations of V. V. Radlov in the collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022. Vol. 21. No. 5. Pp. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130. (In Russ.)
- Dekker P. Early lacquered quiver. 2020. On: Mandarin Mansion. Available at: <https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver> (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)
- Dekker P. Rare Jinchuan quiver. 2019. On: Mandarin Mansion. Available at: <https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver> (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)
- Dekker P. Tibetan bowcase and quiver. 2021. On: Mandarin Mansion. Available at: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bowcase-quiver> (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)
- Dekker P. Tibetan or Mongolian quiver. 2019. On: Mandarin Mansion. Available at: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver> (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)
- Kocheshkov N. V. Folk Arts of Mongols. Moscow: Nauka, 1973. 200 p. (In Russ.)
- Korneev G. B. Sacred Banners of Oirats and Kalmyks. Elista: Golden Abode of the Shakyamuni Buddha, 2022. 232 p. (In Russ.)
- LaRocca D. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Mohamed B. (ed.) The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p. (In Eng.)
- Molodin V. I., Sobolev V. I., Solovyov A. I. Baraba in the Late Middle Ages. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)
- Nadochy Yu. S. Tobolsk Reserve Museum. Sverdlovsk: Central Ural Book Publ., 1988. 239 p. (In Russ.)
- Prokopenko V. M. Saadaks with flat quivers: Europe, 16th–17th centuries. Part 1: Design. On: Kitab Hona — The Well of Knowledge. Military sciences. Ranged weapons. Posted on 27 March 2012. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html (accessed: 7 December 2022). (In Russ.)
- Prokopenko V. M. Saadaks with flat quivers: Europe, 16th–17th centuries. Part 2: Catalogue. On: Kitab Hona — The Well of Knowledge. Military sciences. Ranged weapons. Posted on 27 March 2012. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html (accessed: 7 December 2022). (In Russ.)
- Shevtsova A. A. Kazakh Ornamental Patterns: Origins and Tradition. Moscow: Kazakhskaya Diaspora, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Shim H. The Zunghar conquest of Central Tibet and its influence on Tibetan military institutions in the 18th century. *Revue d'Etudes Tibetaïnes*. 2020. No. 53. Pp. 56–113. (In Eng.)
- Solovyov A. I. Weapons and Armour: Siberian Weaponry from the Stone Age to the Middle Ages. Novosibirsk: INFOLIO-Press, 2003. 224 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the Northern Caspian: 1630s–1670s. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)
- The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56: Armaments and Military Provisions. Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p. (In Eng.)
- Tumanovsky V. E. (ed.) Imperial Armory. St. Petersburg: Atlant, 2002. 408 p. (In Russ.)

